

Наталья Колобова

Разнотравье-разноцветье, скошенное, сохнущее в долгих валках, ворошат деревянными граблями, вот и я ворошил архивные бумаги, выжелтевшие, словно старое сено; и вдруг среди записей и черновиков явилось слово о Наталье Колобовой...

В эпоху рабоче-крестьянского царства-государства, когда в чести была совесть, и власть обороняла совесть от западного срама и негодяйства, очерки и зарисовки Натальи Колобовой читала Россия; и Бог весть, догадывалась ли пожизненная газетчица, что иные сельские зарисовки сродни шукшинским сказам — сродни по восхитительной и сострадательной любви к ближнему, по жажде правды и обостренной совестливости, по терпкому, порой и хлесткому деревенскому речению. Вещую силу может обрести, казалось бы, неприхотливая, немудрящая зарисовка, созданная не отчужденно и прохладно... пришел, увидел, настроил, ибо не родно и не больно... а выношенная, словно чадо под сердцем, рожденная и вынянченная в печали и радости.

Сказы Натальи Колобовой — крестьянская жизнь в забайкальской степи, безбрежной, по-ямщицки певучей от тихой радости вешнего пробуждения, от теплых летних миражей, от осенней грусти и снежной святости. Степи обращаются в лесостепи, и далее — матерая кедровая тайга, как и степи, воспетая в сказах Натальи Колобовой, сплетенная с крестьянской жизнью. А житуха деревенская, хотя и корявая, убогая, скудная и скучная, коли озирать городским оком, но — среди природных красот, и не излукавленная, не палимая порочными страстями, а словно замершая в ожидании чуда, в ожидании сурового, но праведного царя-батюшки. Русские и живы вечным ожиданием чуда, вечным ожиданием карающего, милующего отца-заступника, а уж с Отцом Небесным, отцом народов, отцом семейства русские могут горы свернуть, потуже затянув кушак на тощем брюхе.

Читаю сельские очерки и зарисовки Натальи Колобовой, и думаю со вздохом: вот бы у кого учиться речевому мастерству и любви к русскому простолюдию и нынешним журналёрам, нынешним скороспелкам-свиристелкам, способным лишь микрофон сунуть в нос вороватому чиновнику, жестокосердному буржую, придурку-шоумену, продажному лицедею. Да что журналёры-шелкопёры,

по очеркам Натальи Колобовой обрели бы душу и слово иные наши сочинители из торопливой поросли, у коих думка чадна и бедна, а слово мертво.

Наталья училась в Иркутском госуниверситете; на год раньше меня обрела диплом журналиста да значок-поплавок на лацкан пиджака; и, обмыв диплом и поплавок с гербом и книгой, укатила в Читу, поближе к матери, что коротала век в селе Улёты¹. За три десятилетия после вдохновенной, сокровенной, хмельной и шальной студенческой юности виделись мы редко, мельком, на бегу, а посему... может, и к добру... смутно знал я обыденную жизнь Натальи. Но слышал, что выросла Наталья в деревенских радостях-печалях, в огородных заботах-хлопотах, с коими жила и зрелые годы до скорбного исхода; потом с дивлением читал ее сельские сказы, и не мог в своем, вроде и не скупом воображении слить крестьянский мир ее души с бывлой студенткой, высокомерной, по-житейски умудренной, цинично обличительной, в таинственно мутных очках. Воистину, белокурая бестия... Но то было внешнее, обманчивое впечатление; похоже, за тенистыми очками, за стильными нарядами Наталья бережно прятала от усмешливых глаз и ехидных уст свой сокровенный сельский мир, хотя в натуре ее причудливо сплеталась деревенская простота и петербургская изысканность — мать, сельская учительница, родом была из северной столицы.

Большинство ее однокурсников и однокурсниц сошли со школьной скамьи и очутились в университете, а Наталья года два отпахала в районной газете и ведала жизнь простолудья, где царила божественная совесть, но и трагически уживались азартный труд и адский кабак, горняя мудрость и простота, что хуже воровства, трезвенное благочестие и хмельной разгул. Ведая народную жизнь, Наталья могла больно ожечь крапивным словом тепличных девочек и маминых сынков, потешно играющих в лихую и хмельную богему. Их богемный мир из блудливой беллетристики итальянского «возрождения», из сумрачно-тупиковой прозы Камю, из безумия Франца Кафки, из бесовского шабаша Булгакова, из антисоветчины сидельца Солженицына, искушенного библейским змеем, — их мир, пьяно-куражливый, свально-грешный, с «гениальной» дурью, Наталья отвергала, равно и мир партийно-комсомольских фарисеев, мечтающих о начальственных портфелях.

Студенческая юность сгинула в сумраке памяти, словно в заболоченной старице; потом отшумела, отзвенела и вдохновенная молодость, когда журналистка Колобова пела романтическую песнь Байкало-Амурской магистрали, и с крушением рабоче-крестьянской державы, с воцарением буржуазного хама Наталья очутилась в родных Улётах, в материнской избе.

По редким письмам (Наталья переписывалась с моей женой, своей однокурсницей) я словно воочию видел: светлела, русела ее измученная думами, одинокая душа, постигающая теплый и ласковый православный Свет; но чуял я: изнуряющая брань дня и ночи бушует в ее душе, отчаянной и совестливой, оробевшей в царстве хама, не обогретой семейным уютом, не умиленной детским лепетом, не ведающей, где воплотить дар Божий, и нередко впадающей в грешное и безоглядное унынье. День меркнет ночью, а человек печалью... Что ж, дело обычное для русского, не ведающего предела душевной порухи и божественного взлета, какой не снился западному обывателю даже в искусительно ярком и сладком сне. Усмиряла страждущий дух творчеством, крестьянским трудом; утешали

¹Имя Улёты село обрело от звенков улятуйского рода. Улятуй переводится как долина ветров, ветер. Село Улёты впервые упоминается в 1788 году после прихода русских в Забайкалье для сбора ясака с местного тунгусского населения, для хлебопашества и укрепления позиций России на Дальнем Востоке.

родные избыные венцы, улётовские окрестные леса, поля и сопки, лысые либо поросшие березняком, сосняком и осинником, сбегаящим к реке Ингоде; утешали, но не спасали, ибо спасение для русского, измаянного осознанием каждодневного греха, лишь в смиренной и покаянной молитве под сводами православного храма, куда влеклась ее мятежная душа.

Святой евангелист Иоанн Богослов поучал: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» *(1-е Иоанна 2:20)* Апостол Петр назидал: «Имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов». *(1-е Петра 4-8)* Смысл сих речений: коли всепрощающе любишь ближнего, ты уже любишь Вышнего, а Наталья Колобова любила ближних, переживала о их душах и судьбах, желала ближним благочестивой жизни в долгнем мире и спасения в горнем, что и воплотила в очерках и зарисовках, восходящих к народной русской прозе.

Упокой, Господи, душу усопшей рабы Божией Наталии, прости ей вся согрешения вольная и невольная, и даруй ей Царствие Небесное.